

КЛЮЧЕВЫЕ ИМЕНА В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРАХ

УДК 821.161.1.09

Е.А. Болтовская (г. Могилев, Беларусь)

ТВОРЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ А. АХМАТОВОЙ И М. ЦВЕТАЕВОЙ

Истинный поэт – всегда индивидуальность с неповторимым мирозрением, восприятием и выражением чувств. Создание «возможных миров» происходит благодаря своеобразному переплетению бессознательного и сознательного в творческой личности. И если структура и влияние первого остается загадкой, то о важнейшем компоненте второго – эстетических воззрениях – следует сказать особо, потому что именно сквозь их призму происходит становление идиостиля, осуществляется отбор средств и способов поэтического преобразования слов на всех уровнях художественной системы поэта.

Известно, что А. Ахматова не оставила программных статей о своих творческих принципах, считая, что все возможное сказала в стихах. Поэзия для нее – фатальная неизбежность, заданная Богом. Проанализировав множество текстов, О.А. Троцык приходит к пониманию ахматовской концепции Слова как Божьей благодати [1, с. 60], и мы согласны с ее трактовкой. *Песенный дар* дается свыше для того, чтобы его *расточать* в соответствии с божественным промыслом – пробуждать лучшие нравственные чувства (самопожертвование, смирение, любовь к ближнему, ответственность, патриотизм) в душах людей: *Но не пытайся для себя хранить / Тебе дарованное небесами: / Осуждены – и это знаем сами – / Мы расточать, а не копить* [2, т. I, 237]. Результат дара называется *странной лирикой* [2, т. II, кн. 1, с. 91], так как в ней присутствует нечто непостижимое и неподвластное обычному человеческому уразумению, скрываются недоговоренные смыслы. «Тайное» знание, влекущее и пугающее, мучительное и неразделенное [3, с. 14], является условием истины слова, а потому возводится в принцип поэтики и выражается в намеках, недомолвках, умолчании. Для А. Ахматовой «истинная свобода творчества начинается тогда, когда художник... чувствует себя исполнителем, а не творцом» [4, с. 13]. Поэт должен бережно и трепетно относиться к языковому богатству, быть исключительно требовательным к себе и осмотрительным в высказываниях, так как материализованное слово обретает бессмертие и могу-

щество: *Всего прочнее на земле печаль / И долговечней царственное Слово* [2, т. II, кн. 1, с. 114]; ...*Но в мире нет власти / Грозней и страшней, / Чем вещее слово поэта* [2, т. II, кн. 2, с. 37]. За греховное поведение (включающее и безответственное отношение к слову) дар может быть отнят, но «крылатость» вернется, если поэт сумеет восстановить чистоту духа, нравственно наполнить и возвысить свой внутренний мир. Не случайно в ахматовских произведениях идейной доминантой является разрешение морально-этических проблем. Итак, нравственные искания ранней А. Ахматовой привели ее к концепции творчества как Божьего дара: поэтическое вдохновение, явленное в духе пушкинской традиции мифологическим образом Музы, дается свыше, поэтому в душе истинного поэта нет места гордыне и самодовольству. Смиранный (*тихий*) медиум, доверяющий главному Творцу, воплощает в художественных произведениях его волю (схема отношений: Бог – Слово – поэт). Автор, считая себя «постскриптумом к летописи предшественников» [5, с. 66], несет ответственность «перед культурной памятью всего человечества» [4, с. 15] и аккуратно обращается со словом потому, что осознает «важность непрерывного тока художественной преемственности» [6, с. 7]. Такое понимание своего предназначения и роли слова в культуре не позволило А. Ахматовой своевольно «распоряжаться» языковыми ресурсами.

В цветаевском эссе «Искусство при свете совести» говорится, что *певчий, слезный дар* [7, т. I, с. 404] послан не Богом, а демоном [7, т. V, с. 369], но является не святым и не грешным, а двуприродным. Этот дар способен не только просвещать, но также обольщать души, а потому он одновременно и благодать, и наваждение для его обладателя. Искусство занимает промежуточное положение между миром земным (материей) и миром Духа, и взгляд на него зависит от того, «откуда смотреть» [7, т. V, с. 361]: оно и духовный мир физического (снизу), и физический мир духовного (сверху). Талант поэта заключается в том, чтобы услышать голоса стихий, желающих подчинить его себе. Ключевым становится понятие «морок», означающее покорность воли индивидуума иррациональной силе [8, с. 42]. Как только стихии воплощаются в *морочных речах*, поэт освобождается от их жесткого нажима, но лишь на время. Состояние творчества сродни одержимости, самосжиганию, это *тайный жар*, но только постоянное горение, накал страстей – залог истинной жизни. Поэтический дар выделяет поэта как существо обостренно чувствующее и делает обреченным на непонимание в мире заурядных людей. Отказываясь принимать навязываемые нормы поведения, поэт живет по своим законам, которые не могут быть понятны ущербным бескрылым обывателям. М. Цветаева как творец бросает вызов самому Богу, считая, что перед ним чиста и уже оправдана миссией Поэта, ко-

тору не выбирала, но оказалась выбранной ею. С присущим ей максимализмом она канонизирует творческую личность, возносит на недосягаемую высоту (Поэт=Слово=Бог), считая, что настоящего поэта нельзя судить ни по земным, ни по божественным законам. Только сам поэт, руководствуясь голосом совести, имеет право на оценку, на самосуд [7, т. V, с. 373]. М. Цветаева, проявляя яркую индивидуальность, обладая «абсолютной независимостью... нравственных оценок при столь феноменально обостренной языковой чувствительности» [9, с. 155], активно использует существующие в языке потенции, трансформирует, ломает и вновь создает новые смыслы и слова, новые способы их соединений, ведомая исключительно чувством языка. Крайность цветаевских желаний (всё – или ничего), эгоцентризм (осознание своего «я» в качестве абсолютной величины), демонстративное противопоставление себя всему и всем и вытекающее из этого одиночество (я – другие), масштабность эстетических позиций (абсолютизация человека-творца, который должен не «описывать», а «отождествляться» [10, с. 329], культ слова) обосновывают в ее творчестве направленность на пристальную рефлексию над узуальным словом, а также склонность к выходу за пределы имеющихся в языке слов и их форм.

Литература

1. Троцкий, О.А. Библия в художественном мире Анны Ахматовой / О.А. Троцкий. – Полтава: ПОИППО, 2001. – 108 с.
2. Ахматова, А. Собрание сочинений: в 6 т. / Анна Ахматова; [сост., подгот. текста, коммент., ст. Н.В. Королевой]. – М.: Эллис Лак, 1998–2002.
3. Задворная, Е.Г. Коммуникативно-эпистемические параметры высказывания и дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02; 10.02.19 / Е.Г. Задворная; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2001. – 35 с.
4. Симченко, О.В. «Память» как лейтмотив в творчестве А. Ахматовой: многообразие идейно-художественных аспектов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / О.В. Симченко; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1985. – 19 с.
5. Бродский, И. Скорбная муза / И. Бродский [пер. с англ. А. Колотова] // Юность. – 1989. – № 6. – С. 65–68.
6. Служевская, И.П. Проблемы искусства в поэзии Анны Ахматовой 1920-х–60-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / И.П. Служевская; Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. – М., 1984. – 16 с.
7. Цветаева, М. Собрание сочинений: в 7 т. / Марина Цветаева; [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина]. – М.: Эллис Лак, 1994–1995.
8. Павловская, Г.Ч. Код творчества в поэме М. Цветаевой «Молодец» / Г.Ч. Павловская // Народная асвета. – 2005. – № 7. – С. 41–44.

9. *Бродский, И.* О Марине Цветаевой. Поэт и проза / И. Бродский // Новый мир. – 1991. – № 2. – С. 151–157.

10. *Цветаева, М.* Неизданное. Сводные тетради / М. Цветаева; [подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и И.Д. Шевеленко]. – М.: Эллис Лак, 1997. – 640 с.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова